

The background of the entire image is a deep, dark blue and purple cosmic scene filled with numerous small, bright white stars. A prominent, ethereal nebula with wisps of light blue and purple smoke-like gas swirls around the central figure. The figure is a dark, hooded entity, possibly a Grim Reaper or a wizard, whose form is composed of or surrounded by thick, dark, swirling smoke or smoke-like energy. The hood is pulled up, completely obscuring the face. The overall mood is mysterious, dark, and magical.

ДАХАРАН

магия как ремесло

Евгений Кудрявцев

Евгений Кудрявцев

Дахаран. Магия как ремесло

<https://litres.ru/74421793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть вещи, которые лучше не возвращать. Есть двери, которые лучше не открывать. Есть сны, которым лучше не верить.

С детства Шангар живёт одной надеждой — найти мать. Она исчезла много лет назад, но продолжает приходить к нему во сне - просит освободить её и говорит, что освободить её может только он.

Шангар верит, что сможет вернуть мать, хотя магия запрещена Элеанским Доминионом. Единственное исключение — артефакторика. Став учеником мастера, он начинает изучать ремесло создания магических предметов и вскоре понимает: прошлое его семьи связано с тайной, которую кто-то веками пытается скрыть. Следы ведут к древним знаниям, загадочным символам, исчезновениям и Завесе — границе между известным людям миром и тем, что находится по ту сторону. Чем ближе Шангар подбирается к ответам, тем больше вопросов возникает.

Иногда, чтобы найти близкого человека, приходится сначала узнать правду о самом себе.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Кудрявцев

Дахаран. Магия как ремесло

Глава 1

Песнь О Саэран-Илль.

Пой, Муза, о стране дивной, Саэран-Илль именуемой,
О земле, где струилась магия, яркая как россыпь звёзд,
Где боги-луны, светозарные, беседовали с людьми откры-
то,

Не скрываясь ни в туманах рассвета, ни в облаках вечер-
них.

Шесть было Сестер-Лун на небесах сияющих,
Шесть светлых владычиц, державших равновесие миров.
И каждая благоволила смертным,
И каждая даровала мудрость и мир.
Но среди них была Первородная — Хаэлис, Древняя,
Та, что первой зажгла своё сияние над Саэран-Иллем.

Гордость, тёмная волна, поднялась в сердце её лунном,
И возжелала она властвовать одна,
Чтобы храмы сестёр её рухнули в прах,

Чтобы смертные приносили дары лишь ей одной.
Тогда она, светотенями покрытая,
Нашла в мире смертных гордого Тельмурада,
Архимага великого, владыку заклинаний,
Ученого Ил-Мезара, Города Круга и Молний.
К нему пришла она, тихая как тень,
Ласковая как свет, коварная как ночь:

*«О избранный среди смертных,
О Тельмурад, чьё слово слушают ветры,
Неужели судьба твоя — быть лишь слугой богов?
Встань выше них!
Стань повелителем Этэрисов, бесплотных хранителей,
Переломи их волю, подчини себе Завесу!»*

Так говорила Хаэлис — Первородная Сестра,
Мягко, как ветер застывший,
И Тельмурад, гордый сердцем,
Услышал её и поверил словам её сладостным.

Он создал Зов Сквозь Завесу —
Артефакт страшный, сияющий чёрным светом.

И поднял его над Ил-Мезаром,
И дрогнула Завеса, что разделяет свет и тьму,
Мир смертных и мир Плетения.

Разверзлась трещина, подобная молнии,
И вышли порождения Хаэлис —
Чудовища без имени, тени без памяти,
Воплощения бездны, что рождены были во тьме.

Храмы Лунных Сестёр пали,
Алтари их рассыпались в прах,
Города исчезали в туманах мрака,
Бесследно, как уголь в пламени.

И началась Великая война.
Пой же, Муза, о тех днях страшных,
Когда не солнце, но пепел висел над миром,
Когда реки чернели и высыхали,
Когда леса обращались в камень от дыхания демонов,
Когда Этэрисы, безумные и лишённые смысла,
Сходили с небес, уничтожая города одним прикосновением.

Но люди, смертные и слабые,
Соединились перед гибелью мира.
Склонили головы не перед луной, не перед богиней,
А друг перед другом,
И нашли в единстве силу,
Что превосходит сияние богов.

Они восстановили Завесу,
Обвили мир её тяжёлыми путами,
Отсекли Плетение от смертных.

Тельмурад исчез, будто ветром сметённый,
Зов Сквозь Завесу пропал во тьме,
А Хаэлис свергли с небесных высот
И обратили в имя запретное.

Алтари её разрушили,
Храмы её очистили огнём,
Песни о ней предали тишине.

Пал Саэран-Илль — страна равновесия,
Как свет погасший, как город забытый.
Магия ушла в глубины Археймара,
В камни холодные и молчаливые,
Но шёпот её живёт там, где пали герои.

Так прошли века,
Но ожог от той войны остался на теле мира.
И тень Хаэлис, Первородной,
Не исчезла, как верят жрецы —
Нет, она ждёт.
Терпеливо, как ночь у порога рассвета.

О смертные, помните Саэран-Илль
И его падение.

Помните о гибели богов и гордыне магов.

Не трогайте Завесу без нужды,

Не слушайте тихий зов из-за грани,

Ибо тот, кто пробудит Хаэлис,

Пробудит и Раскол,

Что не был исцелен до конца.

Пролог.

Тумаритская степь.

Ночь опустилась на тумаритские степи незаметно. Последние отблески заката давно угасли за далёкими холмами, и теперь над землёй царствовал лишь холодный свет Эт-Кайры – Луны Снов и Тайн. Её серебристое сияние разливалось по бескрайним травам, превращая степь в безмолвное море, колышущееся под дыханием ветра. На многие переходы вокруг не было человеческого жилья. Лишь этот стан кочевников с табуном лошадей и несколькими юртами, стоявшими на вершине пологого холма.

У костра сидел одинокий старик. Со стороны могло показаться, что он дремлет. Тёмный войлочный плащ скрывал его худое тело, а серый мужской платок- шемаг скрывал лицо. Лишь глаза отражали пляшущие отблески огня. Руки узловатые, покрытые сеткой старческих вен, медленно вертели

старый маленький серебряный амулет в виде летящего орла с удивительным спокойствием человека, который пережил слишком многое, чтобы бояться будущего.

В степи его называли просто Учителем. Даже те северные кочевники, кто никогда не видел старика, знали о нём. Караванщики шептались о мудреце, способном за одну ночь узнать новости из всех концов мира Дахарана. Тайные служители храмов рассказывали о человеке, чьи слова доходили до самых дальних уголков Дахарана быстрее, чем имперские гонцы. А враги хаэлитов безуспешно пытались выяснить, кто именно скрывается за этим неприметным именем. Сам Учитель относился к подобным слухам равнодушно. Его тихое всеилие незыблемо поддерживалось его мудростью: чем меньше люди знают о тебе, тем дольше живут твои тайны.

Где-то в темноте послышался тихий перестук копыт. Старик поднял голову. Из темноты появился всадник. Невысокая степная лошадь тяжело дышала после долгой скачки. Наездник спешил ещё до того, как приблизился к костру, и последние шаги проделал пешком. Он был одет как обычный паломник. Серый дорожный плащ. Запылённые сапоги. Потёртая сума через плечо. Лишь внимательный взгляд заметил бы, что ткань его одежды слишком добротна для простого странника.

Подойдя к костру, мужчина коснулся груди раскрытой ладонью.

— Учитель.

— Садись, отдохни. — сказал Учитель сухим, как ветка перекати-поля, голосом.

Гонец, немного растерявшись, опустился на колени. Старик несколько мгновений молчал, разглядывая пламя.

— Говори.

— Храмовая Стража провела обыски в трёх городах побережья. Изъяты запрещённые артефакты. Арестованы двое мастеров и один хранитель.

Старик слегка кивнул. Огонь тихо потрескивал. Ветер принёс запах полыни.

— Что ещё?

— В столице всё чаще говорят о восточных землях. Масут говорит, что дархан империи обсуждает безопасность караванных путей. Некоторые советники предлагают присоединить земли тумаритов.

На этот раз Учитель долго молчал. Гонец не смел поднять взгляд. Где-то в степи протяжно завыл ночной зверь.

— Передай зрителям западных дорог. Пусть готовят убежища.

— Для кого?

— Для всех.

Гонец поднял голову.

— Даже для тех храмов, которые находятся вне подозрений Доминиона?

— Особенно для них.

Мнимый паломник явно хотел что-то спросить, но передумал. Любой хаэлит должен знать только то, что ему говорит старший по иерархии.

— Есть ещё распоряжения? — спросил гонец.

Учитель некоторое время смотрел на него поверх костра.

— Когда ты ел последний раз?

Молодой мужчина растерялся.

— Учитель?

Учитель ждал.

— Сегодня утром. — нерешительно ответил гонец.

Старик недовольно покачал головой.

— Чуть правее стоит юрта Сарема Ашара. Скажешь, что от меня. Тебя накормят и дадут место у очага.

— Но... мне нужно возвращаться.

— Возвращаться будешь сытым.

Несколько мгновений гонец молчал.

— Благодарю, Учитель.

— Благодарить будешь, когда научишься заботиться о себе так же хорошо, как о моих поручениях. Как отправишься назад передай - пусть все наши люди на побережье начнут исчезать. Растворяться среди торговцев, рыбаков, пастухов. Пусть их забудут соседи. Пусть не останется следов.

Гонец приложил руку к сердцу и ответил:

— Я передам.

Старик кивнул.

— Иди. И пусть будут с тобой ветер и пепел.

Гонец поднялся, поклонился и через несколько мгновений растворился в ночной степи так же бесшумно, как появился. Учитель остался один. Степь вновь погрузилась в тишину. Только ветер шуршал сухой травой на склонах холма да потрескивали дрова в костре. Учитель подбросил в огонь тонкую ветку саксаула. Искры взметнулись к звёздам. Где-то далеко заржал конь. Старик поднял голову. Второй всадник появился значительно позже первого. Лошадь под ним была покрыта дорожной пеной. Даже в лунном свете было видно, что животное шло из последних сил. Когда гонец спешился, Учитель заметил, как тот едва заметно поморщился. Долгая дорога с севера. Очень долгая. Мужчина подошёл к костру и склонил голову.

— Учитель.

— Садись ближе к огню.

Гонец устроился, напротив. Несколько мгновений старик внимательно смотрел на него. Потом неожиданно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.